

Глава 28. Бездна Кровавого Ада

Ветер ревел. Пропась была затянута черным туманом — густым и хищным, точно пасть чудовища, готовая поглотить и растерзать всякого, кто рискнет в нее заглянуть.

Лю Цинсянь мчался на мече, но стоило ему завидеть впереди две падающие фигуры, как он почувствовал: клинок под ногами больше не слушается. Чунмин опасно вильнул и потянул его вниз. Сердце ушло в пятки; он, едва не потеряв равновесие, судорожно вцепился в рукоять.

Эта бездна, как и то злосчастное озеро, была запечатана ограничительным барьером. Летать здесь было невозможно.

«Система! — взмолился он, едва не плача. — Точно тайное царство Чжуолун? Точно ранг "Земли"?!»

Голос Системы звучал так, будто он сам был готов залезть в петлю:

«Не спрашивай. Этот вопрос выходит за рамки моей компетенции».

«Но я же сейчас разобьюсь!»

«Твоя смерть — еще полбеды, — в голосе Системы послышалось истинное отчаяние. Перед глазами Лю Цинсяня вспыхнула стрелка, указывающая на падающих внизу героев. — Проблема в том, что сейчас погибнут и протагонист, и злодей. Смерть протагониста вызовет резонанс в пространстве, а если погибнет Инь Сюань, Небесный демон вырвется на свободу, и остановить его будет некому. Мир просто схлопнется».

«Думаешь, я сам этого не понимаю?!» — мысли Лю Цинсяня лихорадочно неслись, пытаясь отыскать хоть какую-то зацепку для спасения.

Но чем сильнее он пытался заставить себя успокоиться, тем больше в голове воцарялся хаос. Перед глазами вспыхивали обрывки чужих воспоминаний: то Инь Сюань защищает его на Хребте Ягу в первом цикле, то сцена великого отбора из второго...

«Нет, постой!» — его внезапно осенило.

В первом цикле Инь Сюань мастерски владел копьем. Во втором его артефактом стал кинжал, но тот тоже мог менять форму, превращаясь в древковое оружие!

По законам этого мира артефакт обретает форму в момент появления. Но если это артефакт, связанный с душой хозяина, может ли он менять облик, откликаясь на резонанс, как это было у Сюань?

Он взглянул на зажатый в руках меч Чунмин. В черном, как тушь, тумане клинок вдруг начал излучать мягкий белый свет, словно отвечая на немой призыв своего господина.

***

Глубже в бездне.

Син Яньчжу, стиснув зубы, смотрел в черноту внизу, проклиная собственную неосторожность.

Его меч Цюэсе был наделен силой сокрушать всё на своем пути. Если бы он сейчас попытался вонзить его в стену утеса, клинок просто срезал бы пласт породы, не давая никакой опоры.

Пропасть казалась бездонной. Если они рухнут на дно, от них не останется даже мокрого места.

Он покосился на Инь Сюань. Тот был в таком же плачевном положении, но даже перед лицом неминуемой гибели упрямо сжимал край парящей в воздухе Сети Сэнло Цянькунь.

«Умирает, а сокровище из рук не выпускает», — Син Яньчжу не понимал этого фанатизма, но, глядя на то, как противник дорожит артефактом, он и сам из чистого упрямства не разжимал пальцев. Они падали, вцепившись в сеть с двух сторон, точно два соперника, делящих добычу.

Внезапно прямо над ухом раздался издевательский смешок. Син Яньчжу вздрогнул. Голос, казалось, шептал из самой глубины его сознания:

«Всё еще есть настроение спорить из-за побрякушки? Неужели не обидно — согнуться здесь вот так?»

Конечно, было обидно.

Син Яньчжу вспомнил кровавую резню в своем клане в Городе Иньфэн, вспомнил годы изнурительных тренировок, долгий путь к нынешним высотам. И в груди его вскипела черная, удушливая ярость.

Пока Небесный демон жив, у него остается долг мести. Если он погибнет здесь вместе с этим полудемоном, и демон освободится, кто тогда покарает врага?

Он всегда ненавидел этого полудемона именно за это. В трагедии Иньфэна виновен Небесный демон. Но если бы этот паршивец не запечатал его в себе и не пролез в Орден Линьцан, Яньчжу давно бы добрался до виновника и отомстил за семью.

«Но ведь есть способ, верно?» — голос нашептывал, искушая.

Син Яньчжу словно позабыл об опасности. Он погрузился в раздумья.

Да, всё верно. Если Инь Сюаньи умрет, а он выживет, то сможет лично уничтожить Небесного демона.

И почему-то ему казалось, что всё это уже когда-то было.

Спутанные, незнакомые картины замелькали перед глазами. Он увидел Инь Сюаньи, израненного и сраженного рукой демонов. Увидел, как в мир является Небесный демон, и как он сам ведет за собой легионы заклинателей, чтобы подавить зло.

О, точно... Он внезапно вспомнил: в его отряде был предатель. Тот самый, что покрывал Инь Сюаньи и за это был пронзен его собственным мечом.

Этот человек... Син Яньчжу попытался всмотреться в его черты и вдруг увидел, как тот убивает... Лю Цинсяня!

Но голос зазвучал вновь, становясь нетерпеливым:

«Нет, вдумайся получше. Кто на самом деле был предателем в твоём отряде?»

Яньчжу замер, он прищурился. Он изо всех сил пытался вспомнить.

Он увидел, как разбивает Сердечный светильник Лю Цинсяня. Человек, который всегда кротко улыбался, перед смертью застыл с выражением невыносимой муки и безнадежности.

«Учитель...»

Рука Яньчжу, сжимавшая рукоять меча, бесконтрольно задрожала. Чтобы скрыть слабость, он развернулся и решительно зашагал навстречу Небесному демону.

Голос в голове сорвался на крик:

«Смотри внимательнее! Кого ты должен ненавидеть? А кого — любить?!»

Картинка снова сменилась.

Когда он подавил демона, и над ним уже собирались грозные тучи Небесной кары, кто-то

подошел со спины и сокрушил его собственный Сердечный светильник. Он обернулся, не веря своим глазам, и встретил взгляд прекрасной девушки — в нем не было ничего, кроме ядовитой насмешки и лютой ненависти.

Прежняя преданность обернулась злобой. Сердце Яньчжу пронзила настоящая боль.

В чем была его ошибка? Всё, что он делал, он делал ради победы над злом. Ради этой цели он отдалился от наставника, который не мог ему помочь, отверг союз с демонами, который мог его запятнать... Он шел к цели один, чтобы сегодня повести всех за собой.

Но почему всё закончилось именно так?

Сила, почти достигшая божественного уровня, неистово билась в сокрушенном светильнике. Он предпочел бы самоликвидироваться, лишь бы его мощь не досталась этим лживым ничтожествам.

А потом он выжил, вознесся и обрел божественный ранг. И только тогда, с опозданием, понял всё.

Все, кроме одного человека, были предателями.

Всех, кроме Лю Цинсяня, следовало убить.

И только Лю Цинсянь заслуживал его любви.

Но было уже поздно. Наставник, убитый его собственной рукой, лишился души. Даже став богом и истребив всех врагов, он не смог вернуть его к жизни.

— Учитель... — у Син Яньчжу на глазах выступили слезы. Он поднял голову и увидел Лю Цинсяня, который тянул к нему руку.

Галлюцинация? Но ведь Шишу мертв... или нет?

Он запутался окончательно, не в силах отличить правду от морока.

Глубокий голос вздохнул:

«Видно, без полного пробуждения памяти не обойтись. Слияние сейчас лишит тебя половины божественной силы, но иного пути нет...»

«Что? Слияние? Какое существо собралось занять мое тело?!»

Внизу, в самой глубине бездны, раздался жуткий, потусторонний смех. Син Яньчжу похолодел и полоснул клинком в сторону звука, но лезвие рассекло лишь пустоту.

И вдруг прямо перед собой он увидел собственное лицо. Человек, как две капли воды похожий на него, смотрел на него алыми глазами. На его лбу сияло кровавое клеймо божественного ранга, но в этом взоре не было святости — лишь беспредельный мрак и ярость. Он выглядел не как бог, а как демон, вырвавшийся из ада!

Этот двойник стремительно несся вверх, прямо на него. Син Яньчжу хотел уклониться, но в следующее мгновение перед глазами снова была лишь темная бездна. Призрак исчез, точно его и не было.

Тум!

Сердце Син Яньчжу внезапно пропустило удар и забилось с бешеной силой. Резкая боль полоснула по Сердечному светильнику. Он судорожно схватился за ворот, чувствуя, как в груди разверзается мертвая пустота.

Тум!

Второй удар отозвался в ушах громом. Между бровей обожгло огнем, точно кто-то выжигал клеймо прямо на его душе.

Тум!

Син Яньчжу в муке широко раскрыл глаза. Внутренняя энергия в Сердечном светильнике внезапно вскипела, хлынув по жилам неодолимым цунами — разрушительным и в то же время дарующим новую жизнь.

Это было подобно Небесной каре. Когда боль утихла, его чувства обострились до предела. Малейшее движение пальцев теперь могло нести смерть, а мощь в руках казалась безграничной.

Всё. Прошлое, настоящее... воспоминания слились воедино. Он вспомнил всё!

— Учитель!

Рядом раздался отчаянный крик. Син Яньчжу нахмурился и увидел Инь Сюань, который пристально смотрел на Лю Цинсяня.

Тот превратил свой артефакт в копье, вонзил его в скалу и, оттолкнувшись, рванулся навстречу Цинсяню, осыпая пропасть градом камней.

«Не позволю!» — Син Яньчжу холодно хмыкнул. Взмахнув рукавом и помогая себе потоком чистой энергии, он перехватил руку полудемона, грубо пресекая его попытку подняться.

— Ты! — Инь Сюань, чей порыв так бесцеремонно прервали, пришел в ярость. Он ударил ладонью, пытаясь оттолкнуть соперника.

Син Яньчжу даже не шелохнулся. Легко заблокировав удар, он перешел в контратаку. Двое заклинателей, точно мальчишки в драке, принялись обмениваться ударами прямо в свободном падении.

В этот момент сверху скользнула призрачно-белая нить. Пока они были увлечены схваткой, она молниеносно обвила их, намертво сковывая обоих. Падение резко прекратилось. Почувствовав рывок, сдавивший ребра, они повисли в пустоте, раскачиваясь из стороны в сторону.

Инь Сюань и Син Яньчжу в изумлении подняли головы. Лю Цинсянь умудрился превратить свой меч в тончайшую шелковую прядь: один ее конец он намертво закрепил на выступе скалы, а другим обвязал своих непутевых подопечных.

Нить была тонкой, но невероятно прочной — она без труда выдерживала вес троих взрослых мужчин.

Вот только, в отличие от учеников, Лю Цинсянь не успел защитить руки одеждой. Он сжимал нить голыми ладонями. Тонкая прядь глубоко врезалась в кожу, и алая кровь медленно стекала по призрачному белому шелку.

Син Яньчжу смотрел на него, и в душе его бушевал океан противоречивых чувств. Он уже готов был заговорить, но этот проклятый полудемон снова его опередил:

— Учитель...

— Помолчи! — Лю Цинсянь был вне себя от ярости. — Совсем рассудок потеряли? Драку устроили в такой момент! У собак мозгов больше, чем у вас! Вот спустимся на землю — я вам обоим устрою!

***

Нить, в которую превратился Чунмин, могла удлиняться почти бесконечно. Плавно стравливая её, Лю Цинсянь осторожно опустил всех троих на дно бездны.

Едва коснувшись земли, Инь Сюань тут же подскочил к наставнику, осторожно взял его израненную ладонь, и ощутил нестерпимую муку:

— Простите, учитель... Это всё из-за меня.

Цинсянь уже занес руку для воспитательного подзатыльника, но, встретив этот виноватый, преданный взгляд, так и не смог ударить.

Он раздраженно отдернул руку:

— В критический момент забываешь о главном! Собственная жизнь уже ничего не стоит? Отправляйся в угол и думай над своим поведением!

Инь Сюань хотел было достать лекарство, но тут вперед выступил Син Яньчжу. Он бесцеремонно перехватил запястье Цинсяня:

— Шишу Лю, позвольте мне перевязать вам раны.

Сюань вскипел. Он грубым жестом оттолкнул руку Яньчжу и заслонил собой наставника.

Син Яньчжу даже бровью не повел, но голос его так и сочился ядом:

— Я лишь беспокоюсь о Лю-шишу. К чему этот протест? Он ведь твой учитель, неужели тебе плевать на его раны?

Инь Сюань побагровел, на его лице начали проступать звериные метки:

— Я сам позабочусь о наставнике. Третьим лицам с Пика Линьшуан тут делать нечего!

Услышав про «третьих лиц», Син Яньчжу помрачнел. Он медленно повел плечами, явно готовясь продолжить прерванный бой.

Лю Цинсянь смотрел на них как на умалишенных.

— Да что с вами обоими?! Белены объелись?

Стоило ему заговорить, как оба спорщика мгновенно затихли и разом уставились на него.

В этом взгляде было нечто такое, от чего Лю Цинсянь почувствовал себя овцой, на которую нацелились сразу два голодных хищника...

Он тряхнул головой, отгоняя странное наваждение, и строго произнес:

— Прекратить раздоры! Взрослые люди, а ведете себя как дети. Сюаньи, достань мазь.

Син Яньчжу тут же вставил свои пять копеек:

— А я найду бинты.

Инь Сюаньи в ответ издал утробный рык.

Лю Цинсянь почувствовал, как начинает дергаться глаз.

— Хватит! Прошу вас, имейте совесть, дайте мне просто перевязать руки! Я же сейчас от боли сдо—

Он не успел договорить. В голове громом раздался голос Системы:

[Внимание! Время действия временного усиления истекло. Активация Печи для переплавки демонов завершена. Начинается процедура наказания!]

«... Ну конечно, ты никогда не упустишь случая испортить мне жизнь», — подумал Лю Цинсянь.

Система на мгновение замолчала, и в его голосе промелькнула почти человеческая жалость:

[Внимание! Из-за того, что время в Тайном царстве Чжуолун течет в 1,2 раза быстрее, ежемесячное время Конечного наказания наступает досрочно. Начинается Конечное наказание! Хозяин... удачи].

«Что?!»

Цинсянь не ожидал, что все беды мира обрушатся на него разом. Он хотел было возмутиться, но в этот миг тело пронзила такая неистовая боль, что все мысли вылетели из головы.

Он не удержался, и изо рта брызнула кровь. Смертельно бледный, он начал заваливаться назад.

Инь Сюаньи, не спускавший с него глаз, среагировал мгновенно, подхватив наставника и прижав к себе.

— Учитель! — Инь Сюаньи напрочь забыл о существовании Син Яньчжу. Одной рукой он поддерживал Цинсяня, другой лихорадочно рылся в сумке. — Это опять старый недуг? Трава Цзянсян... Нужна Трава Цзянсян, чтобы унять боль!

Син Яньчжу тоже не ожидал, что Лю Цинсянь рухнет вот так внезапно. Он потянулся было помочь, но, увидев действия Инь Сюаньи, с неохотой отступил.

Сейчас нельзя спешить. В этой жизни его отношения с Лю Цинсянем были весьма прохладными. Излишнее рвение вызовет подозрения.

Однако... Он пристально вглядывался в искаженное мукой лицо Цинсяня.

В прошлой жизни он тоже видел наставника в подобные моменты. Но тогда учитель всегда находился под его защитой, ему было не из-за чего страдать! Тогда Яньчжу, привыкший к вниманию женщин, думал, что наставник просто притворяется, чтобы привлечь его взгляд.

Но теперь всё выглядело иначе.

Учитель всегда испытывал боль после того, как помогал ему. Вот и сейчас — приступ начался сразу после того, как он спас их.

Это было непохоже на «хронический недуг», о котором твердил Инь Сюаньи. Это больше напоминало... механизм наказания.

Син Яньчжу прищурился. Он молча стоял, скрестив руки на груди, и наблюдал за тем, как Инь Сюаньи суетится, укладывая Лю Цинсяня на меховое одеяло из серебристого соболя.

Лишь когда дыхание Цинсяня выровнялось и он забылся тяжелым сном, Син Яньчжу сделал шаг вперед.

Инь Сюаньи тут же вскинулся, в его глазах вспыхнул холодный лазурный свет, а на щеках снова проступили чешуйчатые узоры.

Яньчжу проигнорировал эту угрозу. Он посмотрел на полудемона свысока и бросил ледяным тоном:

— Эй. Нам нужно поговорить.

<http://bllate.org/book/17557/1713724>